

У. С. Стрекалова

**ПРИНЦИПЫ КОНЦЕПТНОГО АНАЛИЗА
«МУЖСКОГО» И «ЖЕНСКОГО»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ**

Показаны теоретические основания и методы семантического анализа категорий «мужского» и «женского» на языковом материале. Приведенные примеры из русского языка демонстрируют основные гендерные семантические модели в русской языковой ментальности – общую семантику «мужского» и «женского», основные содержательные свойства этих начал и т.д.

This article offers the theoretical grounds and methods of semantic analysis of “male” and “female” categories developed on the basis of linguistic data. The author draws examples from the Russian language to demonstrate gender semantic models in Russian linguistic mentality, e.g. the general understanding of the “male” and the “female”, the content properties of these principles, etc.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, концепт, семантический анализ, языковая ментальность, ономазиология, гендерные семантические модели, текст.

Key words: gender linguistics, concept, semantic analysis, linguistic mentality, onomasiology, gender semantic models, text.

В настоящее время одним из наиболее актуальных направлений общих гуманитарных исследований является гендерология. В ее основе лежит тезис о том, что «фемининность и маскулинность являются не только признаками конкретных биологических организмов, но социально и культурно обусловленными концептами, позволяющими рассматривать себя как бинарную оппозицию, включающую не только наличие / отсутствие определенного признака, но и категорию оценки» [4, с. 24 – 25].

Едва ли не центральное место в сложившейся в рамках гендерологии гендерной лингвистике занимает вопрос о принципах анализа «мужских» и «женских» концептов, закрепившихся в лексико-семантической системе языка. А между тем именно на этой основе может быть выявлена «гендерная» семантика там, где она на первый взгляд не просматривается. Цель данной работы – показать принципиальные методические установки, актуальные при выявлении «гендерных» концептов на основе языковых данных, продемонстрировать их эффективность на ряде примеров из русского языка.

1. Ономазиологический анализ. Он позволяет выявлять «первичное» концептное содержание слов и тем самым устанавливать наивно-философский взгляд носителей языка на соответствующие фрагменты действительности.

Реализация этого метода предполагает соблюдение одного достаточно очевидного условия познавательного характера. Выявление семантической мотивации слова должно соответствовать уровню ее осознания носителями языка в момент возникновения слова.

Соблюдение данной установки позволяет увидеть, к примеру, что рус. *женщина*, др.-рус. *жена* восходят к индоевропейскому корню *g'en- 'рождать' (ср.: др.-инд. *janati* 'рождает', греч. *γένεσις* 'происхождение', лат. *generatio* 'рождение, возникновение, происхождение', *genero* 'производить, порождать, создавать'). Говоря более определенно, женщина некогда понималась буквально как «рождающая» – таковой виделась носителям языка ее определяющая социальная и природная функция.

Что касается исходной мотивации слова *мужчина*, др.-рус. *мужь*, ст.-слав. *Мѡжь*, то оно, скорее всего, восходит к индоевропейскому корню *men- 'думать' [7, с. 80], в конечном итоге обнаруживающему такие признаки в представлении о мужчине, как ментальная деятельность, «специфический вид “тонкого” возбуждения, некоего состояния вибрирования, позволяющего открыться и реализоваться особым творческим способностям – дару слова, памяти о прошлом, предвидению будущего, прорыву к сути, к ноуменальному и т.п.» [6, с. 137].

Итак, если женщина определяется с точки зрения основного признака ее осмысления как «рождающая», то мужчина – как «принимаящий творческие решения, думающий».

2. **Системный семантический анализ членов лексико-семантической группы (ЛСГ).** При реализации этого метода предлагается выход из замкнутой системы собственно языковых значений и обращение к «сильной» семантике – миру вещей и событий во внеязыковой действительности, смоделированных в языке.

При рассмотрении с этих позиций слова, называющие лиц женского пола, раскрывают особые черты гендерного мировидения носителей русского языка. Обнаруживается, в частности, что «женских» номинаций в русском языке значительно больше, чем «мужских», и тематически они более разнообразны по сравнению с наименованиями лиц мужского пола. Так, слово *содержанка* позволяет увидеть возможную социальную роль, культурно присущую некоторым женщинам: именно женщина могла быть на содержании у своего любовника (в настоящее время в русской социальной действительности близкая роль распространилась и на мужчин, в связи с чем в русском языке получило распространение слово *альфонс*).

Слова *шлюха*, *блудница*, *проститутка*, *потаскуха* называют женщин, беспорядочно меняющих половых партнеров, порой торгуя своим телом. В общем плане эти номинации имеют резко отрицательную оценку и функционируют в языке в связи с представлением о безнравственности женщин.

Важно отметить, что в русском языке есть аналогичные номинации, касающиеся и нравственных качеств мужчин: (*добрый*) *молодец*, *бабник*, *удалец*, *хват*, *волокиста*, *хахаль*. Однако эти слова не имеют столь явной негативной оценки и скорее выражают мысль о мужской удали, лихости, в отдельных случаях умении нравиться женщинам и способности их любить, эротической силе, проявляющейся в официально не оформленных отношениях с женщиной.

Слова *хабалка* 'бранчивая баба', *тарактелка*, (метаф.) *сорока*, (метаф.) *галка* своей семантикой вскрывают представление о характерных речевых установках женщин – их болтливости, невоздержанности на язык, склонности к брани.

Слова *карга*, *грымза* также оцениваются отрицательно и обнаруживают представление о возможном плохом характере старых женщин.

В русском языке имеется обширная группа слов, называющих лиц только женского пола по традиционно характерным только для женщин профессиям: *доярка* (слово *дояр*, называющее занятого в этой «женской» профессии мужчину, является сравнительно поздним образованием), *кухарка*, *няня*, *медсестра*, *маникюриша*, *машинистка* (*машинист* – принципиально иная профессия, «мужская» по своей сути), *сиделка*. Все они связаны с работой, не требующей высокой квалификации, и обнаруживают социальное неравенство женщин по сравнению с мужчинами в профессиональной сфере.

Подобные номинации сложились и в отношении мужчин, и они также характеризуют их традиционную профессиональную занятость, вскрывая те социальные условия, в которых получала реализацию физическая и интеллектуальная активность мужчин.

3. **Анализ семантики словосочетаний.** Обращение к семантике языковых единиц, более масштабных по сравнению с отдельными словами, при выявлении концептуального содержания «мужского» и «женского» в конкретном языке оказывается особенно продуктивным в силу того, что оно предполагает рассмотрение концептов в их взаимодействии.

подавляющее большинство имеющихся примеров показывает подчиненное положение женщины в семье относительно мужчины. Однако язык сохранил представление и об обратном: в конкретных семьях жены могли держать психологический верх над мужчиной. Это представление обозначилось, в частности, в сочетании *надеть на мужа колпак* (ср.: *Жена мужа колпаком накрыла* (или *в колпак нарядила*) [3, с. 143]). Здесь, по-видимому, соединились две символики, связанные с *колпаком* – головным убором. С одной стороны, речь идет о дурацком колпаке – шутовской шапке с погремушками, нарядить в который кого-то значило «одурачить, околпачить, обмануть» (ср.: смол. *колпак* 'дурак, непонятливый, которого хитрый человек легко может провести'). С другой стороны, *надеть на мужа колпак* значит подчинить его себе. Это представление связано с соколиной охотой, где ловчую птицу предварительно «околпачивали», то есть надевали на нее колпак, тем самым лишая инициативы и свободы до начала охоты [5, с. 178–179].

При этом указанные две линии интерпретации словосочетания «надеть на мужа колпак» не противоречат друг другу: женщина может подчинить себе мужчину, лишит его инициативы лишь тогда, когда он слишком прост, доверчив, не способен правильно осмыслить простые житейские вещи, в том числе и в отношениях с женщиной.

4. **Анализ контекстов, выражающих идеологию «мужского» и «женского».** Эффективность обращения к текстам при анализе входящих в их состав концептов обусловлена более высоким порядком организации их семантики по сравнению с семантикой отдельных слов, а также более

тесной связью их с референтной сферой, выражающейся в предикации. Вполне отчетливо это их свойство проявляется уже на уровне их отдельных структурных составляющих — предложений. Выражаемое предложением пропозициональное содержание, инвариантное по отношению ко всем членам его модальной и коммуникативной парадигмы, в своей семантико-синтаксической структуре изоморфно структуре факта [1, с. 401].

Образцовые примеры такого рода составляют поговорки, которые отличает структурная целостность и завершенность и в которых «гендерная» семантика является принципиальной. Так, в поговорке *Мужик тянет в одну сторону, баба в другую* [2, с. 274] достаточно ясно выражается мысль о существующем изначальном противоречии между мужчиной и женщиной в русском лингвоментальном сознании; в поговорках *На женский нрав не угодишь; Женских прихотей не перечтешь* [2, с. 284] с позиций «мужского гендера» негативно оценивается сложность женского характера; в поговорках *Баба слезами беде помогает; У баб да у пьяных слезы дешевы* [2, с. 284] выражается мысль о том, что женщины по природе своей плаксивы, причем во втором случае этому дается «мужская» оценка: женщины (и пьяные) плачут легко и по пустяковым поводам.

Следует отметить, что в текстах такого рода довольно частыми являются метафоры и метонимии, придающие им дополнительную яркость и образность. В этих случаях требуются несколько большие культурные знания для того, чтобы вскрыть представленное в данном контексте содержание «мужского» или «женского». Так, в поговорке *Семь топоров вместе лежат, а две прялки врознь* [2, с. 274] топоры метонимически представляют мужское начало, а прялки — женское (как предметы, реально используемые в мужских и женских работах). Общая «гендерная» семантика поговорки такова: множество мужчин найдут общий язык, но его не смогут найти даже две женщины. В поговорке *Смирен топор, а веретено бодливо* топор и веретено точно так же представляют мужчин и женщин. При этом бытовое свойство веретена (работающие с ним женщины часто кололи об него пальцы) моделирует психологические свойства женщин — раздражительность и колкость. Поговорка *Бабий ум — бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца* [2, с. 274] представляет собой сложную метафору с основанием метафоризации «кривизна», ассоциативно выводящим носителя языка на мысль о хитрости женщин, их отприродном лукавстве. Однако здесь же дается объяснение и других качеств женского ума: «зарубистость», то есть неровность, непредсказуемость, и нелогичность, способность включать в себя непримиримые логические противоречия. В связи с этой идеей можно привести и другую поговорку, содержащую уже сравнение: *Женские умы — что татарские сумы (переметны)* [2, с. 274].

Рассмотренные методы анализа концептуального содержания «мужского» и «женского» начал в языке позволяют выявить разные их содержательные аспекты. Эти методы обладают разной эвристической силой, применимы в разных условиях, раскрывают разные звенья языковой картины мира. Но употребляемые комплексно, они позволяют воссоздать полную семантическую картину. Что же касается пословиц, то наиболее продуктивным при их рассмотрении на предмет выражения идеологии «мужского» и «женского», по всей очевидности, является анализ семантики словосочетаний и общей семантики контекстов. Именно эти методы в наибольшей мере способствуют выявлению их содержания, не исключая при этом и семантического анализа входящих в их состав отдельных лексем.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М., 1984. Т. 1.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 2.
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
5. Мокшенок В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб., 1999.
6. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике: в 3 т. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2006.
7. Buck C.D. A dictionary of the selected synonyms in the Principal Indo-European Languages. A contribution to the History of Ideas. Chicago, 1949.

Об авторе

У.С. Стрекалова — асп., РГУ им. И. Канта, slavphil@newmail.ru

Author

U.S. Strekalova, PhD student, IKSUR, slavphil@newmail.ru